

Живет в Хельсинки (Финляндия).

Майданное

Мы сидим в кофейне чинной
эспрессивно-капучинной.
Вокруг раздрай в мозгах,
но я окоп покоя.
Ты говоришь: «Неотделимо горе от ума».

Я отвечаю: «Сними с предохранителя мечту,
не становись исчадьем интеллекта».
Ты говоришь: «Нет, на дворе не милосердия эра,
а банд эра. Зачем, о зачем ты объявил импичмент разуму?»
Ложечка в моей чашечке постукивает виновато.
Наш любимый вид спорта – передергивание каната.
Открой нам, Отчизна,
секреты мачизма,
портреты развесь.
Ближайшую крышу
со снайпером вижу.
– Сахару принести?
Голос в моем мозгу орет:
«Первый лот – Черноморский флот,
второй лот – американский флот,
третий лот – ассоциация с ЕС!»
А что в сумме? А в сумме – кто ныне не умер, тот не воскрес.
Ближайшую крышу
покатую вижу.
А выше, а выше, в небесах
решето в чудесах:
ангелы облака
сдвинули, точно столы.
Солнечного пирога
отведайте, орлы.
«Слава!» – орет голос в моем мозгу,
но тут ты бледнеешь и шепчешь:
«Я больше так не могу».

Мужчина на четвереньках

Выйдешь на улицу, а там мужчина на четвереньках
изображает конец капитализма.
Он говорит: «Несанкционированный выход из себя
дает возможность сфотографировать усталость».
Он говорит: «Я в мире жил, я был одной из его жил».
Он говорит: «Либералом становятся по умолчанию:
смотри то, что показывают, слушай и читай,
что дают, и ты – либерал».
Он говорит: «Я хотел быть поэтом. Я заминирован стихами.
Но поэзия, как таковая, горька, как яма долговая».
Он еще что-то говорит, точнее, бормочет,
а вокруг вечер, и город весь в огнях, как в волдырях.
Он доверительно спрашивает: «Куда бредешь, брелок?»
И тут же снова громко говорит: «Я думал: дней серую рогожу
с телеги жизни сброшу, ладонями сомну».

Он кричит: «Земля осенняя – магнит, и оттого к себе манит!»
Я не хочу его слушать, пытаюсь уйти, но не могу.
«Я знал женщину, – говорит мужчина на четвереньках, – она строила глазки, а я разрушал. Я пришел на свидание, а она уехала в город Александров. В самом отдаленном ленивом предке я – лишь фигура пустыни. А то, что я на четвереньках, так это потому, что я хочу быть лучше черепахой, чем представителем среднего класса». Так говорит не Кафка и не Заратустра, так говорит неведомый мне мужчина на четвереньках.
И тут я не выдерживаю: «Заткнись, мужчина на четвереньках! Зачем ты ввел меня в курс заблуждения? Ты слишком пропитан эмоциями большинства. Этот спирт тебя опьянил и сделал опасным для меньшинства. Невеликие инквизиторы – Америка и Европа – уже спускаются по ступенькам к твоим четверенькам!»
Я иду прочь, а он кричит вслед: «Я не Джордано Бруно, но гриль моей говорильни – это и есть конец оценок. Подожди, еще встанут на четвереньки и города, и деревеньки!»
Так и летят, так и летят из него выхлопные фразы.
Бежишь от него и думаешь: «Ну почему так? Выйдешь на улицу, а там непременно найдется какой-нибудь мужчина на четвереньках.

Дневник. 30 мая

На прогулке с сестрой. Давненько не виделись.
Обсуждаем все на свете. Больше всего политику.
Но, если задуматься, надо оно нам?
На газонах желтые одуванчики.
В зеленых зарослях прячется школа.
Тропинка уводит в хвойный лес.
Молодая трава, блестящие листья.
Лето. Финляндия.

